

Газета Республика 20 июня 2015г. с.12.

ВОЙНА, ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

До сих пор ни в одной русскоязычной или белорусскоязычной энциклопедии не отмечается тот факт, что утром 22 июня 1941 года Брест был уже в руках врага. Попробуем восстановить события того трагического для всего советского народа дня по фондам Национального архива Республики Беларусь, мемуарам немецких военачальников и руководителей нацистских спецслужб.

Задолго до войны немецкие спецслужбы имели план города Бреста, на котором были помечены самые важные места и ориентиры города, а накануне войны в Бресте официально находилась группа нацистских офицеров. Многие из них присутствовали на различных вечерах, проводившихся в Доме офицеров Красной Армии военного гарнизона города. Кроме того, по секретным договорённостям Германии с СССР 23 августа и 28 сентября 1939 года немецкая комиссия в Бресте «проводила работу по поиску и перевозке» останков германских военнослужащих, погибших в сентябре 1939 года во время нападения Германии на Польшу и обороны города польскими частями.

21 июня 1941 года поздно вечером в городском парке был тяжело ранен лейтенант милиции. Известно, что для его спасения срочно вызвали хирурга областной больницы С.Т.Ильина.

Чем можно объяснить тот факт, что в брестском небе по 19 июня 1941 года появлялись немецкие самолёты, и их никто не сбивал?

Почему ни в один учебник или в пособие по истории Беларуси для школьников и студентов не вошли уникальные факты из книги белорусского историка А.А.Гребёнкиной «Брест непокорённый»(Мн., 2005):

«Враг тщательно готовился к войне, имел в городе разветвлённую шпионскую сеть. За несколько суток до начала войны в городе появились подозрительные формирования. Так, майор Климов вечером 21 июня остановил колонну машин с военными, проверил у впереди идущего документы и понял, что это были немцы, хотя по документам значилась передислокация одного из воинских подразделений Красной Армии. О своих выводах Сергей Григорьевич Климов доложил руководству (майор Климов погиб в первые дни войны, защищая г.Брест).

Ещё до захвата города фашисты вывели из строя водопровод, электростанцию, телефонно-телеграфную сеть. Им были известны фамилии и адреса не только руководителей партийных и советских, комсомольских и хозяйственных работников, но и многих рядовых коммунистов, бывших

членов Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ). Враг знал все важнейшие объекты, промышленный потенциал Брестчины.

22 июня в 9 часов утра фашисты захватили город (кроме военкомата и вокзала- Э.И.), а в 14 часов карательные отряды ходили по имевшимся адресам, арестовывая коммунистов, советский, комсомольский и хозяйственный актив, жителей еврейской национальности.

Многие партийные и советские активисты, евреи были схвачены в первые дни войны...».

В связи с этим известный брестский журналист Василий Сарычев акцентирует внимание на такой факт:

«В фондах Государственного архива Брестской области хранится документ – списки прибывших на работу в Брестскую область из восточных районов СССР. Первый лист имеет примечательную пометку: «Изъято у немцев». Как много содержат в себе эти два слова!

Июньско-июльские расстрелы 1941 года в Бресте немцы произвели по оставшимся неуничтоженными спискам партийно-хозяйственного актива с указанными должностями и домашними адресами. Причину оставления этих бумаг. Означавший смертный приговор для сотен вверенных ему партийцев и управленцев, первый секретарь обкома партии Михаил Тупицын объяснит потом отсутствием ключа от сейфа. Ну, не нашли в суматохе, Лом или гранату искать не стали. Сожгли часть того, что попало под руку, и дали дёру.

Уже после полудня немецкие наряды ходили по адресам. В первые дни войны были арестованы и расстреляны председатель горисполкома Соловей, депутат Верховного Совета БССР Борщевская, прокуроры Авилов и Казаков, начальник политотдела управления водного транспорта Шевченко, замначальника облфо Синкевич, директор педучилища Ткачѳв, директор книжного магазина Гусев, начальник лесомебельной конторы Друшляков, корреспондент областной газеты Ривкин, заслуженный артист БССР Павлов, начальник отдела кадров облпотребсоюза Волков, директор ресторана Шахнович, работники финуправления Комаров, Ельчанинов, Долгособуров, Леванов, Соломонов, Секачѳв...»

Каким образом был захвачен Брест?

По данным брестского исследователя О.В.Карповича, 21 июня 1941 года в 24 часа через Брест проследовал пассажирский поезд международного сообщения «Берлин-Москва». Около двух часов ночи 22 июня по мосту через Буг проследовал товарный поезд в Германию. Примерно в то же время в Бресте высадился диверсионный отряд знаменитого Отто Скорцени «Бранденбург-800», численностью до двух

рот, переодетый в форму бойцов Красной Армии, пограничников и таможенников. В городе погас свет, вышел из строя водопровод, были повреждены линии телефонной связи. За 10 минут до артиллерийского налёта немцы заняли переправу через Буг, убив охрану и пограничников. В 3-15 утра немцы начали сильный артиллерийский обстрел крепости, Северного и Южного военных городков. До появления регулярных немецких войск на городских улицах, диверсанты взяли под обстрел все важнейшие точки города.

О.В.Карпович ошибается только в одном. Диверсионным отрядом, высадившимся в Бресте в ночь с 21 на 22 июня командовал не Отто Скорцени. Мало кому известно, что в составе частей вермахта, воевавших с защитниками Брестской крепости, а точнее в мотодивизии СС «Рейх» (командир – обергруппенфюрер СС Хауссер) 46-го танкового корпуса 2-й танковой группы под командованием генерала Гудериана находился и будущий «нацистский террорист номер один» унтершарфюрер СС Отто Скорцени. Он был приписан к дивизии в должности военного инженера.

В 1951 году в Западной Германии вышли в свет мемуары О.Скорцени «Диверсия – моё ремесло». В них есть такие строки:

«...Русским войскам не удалось сдержать мощь первого вала нашего наступления. Они начали медленно отступать в заболоченные лесные районы. Наша артподготовка продолжалась, и моему взводу удалось углубиться на территорию противника. Под Коденом – несколькими километрами севернее – наши сапёры возвели понтонный мост. На следующее утро мы медленно продвинулись вперёд и достигли Брест-Литовска, находившегося на правом берегу Буга».

Бывший старший инструктор Брестского облисполкома, один из руководителей Брестского антифашистского подполья Анатолий Иванович Боровский, вспоминая о трагических событиях в Бресте в ночь с 21 на 22 июня и ранним утром 22 июня 1941 года, подчёркивал:

«...Из-за беспечности наших железнодорожных органов немецкое командование сумело перебросить из-за Буга эшелон с запломбированными вагонами на Брест-Западный, которые и заняли станцию, оказавшись в тылу наших пограничников и воинских частей крепости

В 5 часов утра... на улицах города уже вовсю шныряли выпущенные немцами из тюрьмы воры и хулиганы, грабя магазины.

Было уже 9 часов утра... Немцы уже захватили почти весь город, заняли Кобринский мост. Только в районе Брестской крепости продолжался бой».

А 25 июня 1941 года в письме в «ЦК ВКП(б) товарищу Сталину Копия: ЦК КП(б)Б товарищу Пономаренко» он писал:

«22 июня с.г. в 4 часа утра г.Брест был парализован немецкими войсками. Военный комиссариат г.Бреста, советско-партийные органы и командование частями РККА не организовали оборону г.Бреста. Городское население и в [оинские] части без всякого руководства отступали неорганизованно (бойцы и часть командного состава отступали без всякого управления ими)»(Национальный архив Республики Беларусь (далее – НА РБ. Ф.4-п. Оп.33а. Д.64.Л.2)

В то время Оскар Райле был личным помощником адмирала Канариса - руководителя абвера - знаменитой германской службы военной разведки. В своей книге "Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921-1945)" (М., 2002) он приводит малоизвестные подробности операций против Советского Союза. В этих мемуарах О.Райле есть такие строки:

"В то время как части фронтовой разведки I с танковыми и другими моторизованными подразделениями пытались пробиться в Ковель, Лемберг (Львов - Э.И.), Вильно и другие города, где располагались вышестоящие штабы русских или дислоцировались до начала наступления, группы фронтовой разведки III старались как можно быстрее добраться до учреждений секретных служб противника. В некоторых случаях это удалось в первые часы кампании, поскольку НКВД, главная ветвь советской секретной службы, выдвинул свои органы вплотную к германо-советской демаркационной линии, проходящей по Польше.

Так, например, было в Брест-Литовске. Непосредственно после воздушного налета сотрудники командо III фронтовой разведки под командованием майора Т. вошли в город в передовых порядках наступающих войск и заняли здание НКВД. Капитан Д., участвовавший при этом, так описывает этот эпизод:

"Когда мы вошли в здание НКВД и произвели осмотр, то нашли все так, как если бы служащие учреждения только что покинули свою контору. Письменные столы, сейфы, стулья - все стояло на своих местах. Я установил, что междугородняя телефонная связь через коммутатор, расположенный в подвале, не была отключена. Телефонные штекеры еще воткнуты в коммутационные гнезда, и коммутаторные лампочки продолжали гореть. Служащие учреждения, видимо, бежали сломя голову.

Поэтому в сейфах, вскрытых автогенами, обнаружили множество секретного материала. Наше командо работало почти неделю, чтобы изъять и просмотреть все документы, найденные в НКВД. Подавляющее большинство материалов для анализа было отправлено в главное управление "Восток III" по фронтовой разведке, в так называемый штаб "Валли". Но уже на месте мы смогли выудить много информации из советских секретных документов.

Например, мы обнаружили красный список телефонных адресатов размером со спичечный коробок, в котором перечислялись служебные в Кремле и домашние телефоны членов Советского правительства.

Затем из изъятой секретной документации выяснились имена и адреса ведомых брест-литовским органом НКВД информаторов и агентов. Разумеется, мы сразу же стали их разыскивать, ибо из дел было также ясно, какие шпионские задания против Германии они выполняли, и какие им еще предстояло выполнять. В некоторых случаях розыск привел к успеху...»

Приведя это признание офицера абвера, Оскар Райле подчеркивает:

"Эти свидетельства представляются мне по-настоящему примечательными. Из них совершенно однозначно следует: нападение 22 июня 1941 года для советского руководства оказалось полной неожиданностью.

Еще примечательнее тот факт, что крупные отделы советской разведки располагались в Брест-Литовске и других местах непосредственно у германо-советской демаркационной линии, проходящей по Польше. Они были укомплектованы, как и органы НКВД в глубине страны, и работали, словно повсюду царил глубокий мир. Сами списки и дела по своим информаторам и агентам он держали в сейфах, находившихся не далее километра от ближайшего германского поста.

Все это свидетельствует, что советская секретная служба ни в малейшей степени даже не задумывалась о том, что когда-нибудь придется уходить из Брест-Литовска и передислоцировать необычно далеко выдвинутые учреждения НКВД. Скорее советский противник обращал свой взор на Запад и явно рассчитывал на продвижение в этом направлении к определенному сроку...».

До сих пор в официальной исторической литературе замалчивается тот факт, что пограничные войска и части Красной Армии не взорвали в самом начале войны ни одного моста через Буг, а 2-я танковая группа генерала Гудериана имела в своём распоряжении плавающие танки.

Так, в дневнике главнокомандующего группой армий «Центр» фельдмаршала Ф.фон Бока с 22 июня по 5 января 1942 года (Восточный фронт) в записи за 22 июня 1941 года есть такие строки:

Наступление началось согласно плана. Странно, но русские почему-то не взорвали ни одного из немногих мостов через Буг...

Поездка в Брест. К полудню приведен в порядок один из мостов: железнодорожный; все понтонные мосты пока что в процессе наведения».

А вот что пишет командующий 2-й танковой группой генерал Гудериан:

«...В 4 час. 15 мин. (22 июня 1941 года –Э.И) началась переправа через Буг передовых частей 17-й и 18-й танковых дивизий. В 4 час. 45 мин. Первые танки 18-й танковой дивизии форсировали реку. Во время форсирования были использованы машины, уже испытанные при подготовке плана «Морской лев». Тактико-технические данные этих машин позволяли им преодолевать водные рубежи глубиной до 4 м...

Внезапность нападения на противника была достигнута на всём фронте танковой группы. Западнее Брест-Литовска (Бреста) 24-м танковым корпусом были захвачены все мосты через Буг, оказавшиеся в полной исправности».

В Национальном архиве Республики Беларусь под грифом «Совершенно секретно Особая папка» хранится докладная записка первого секретаря Брестского обкома партии М.Н.Тупицына в ЦК ВКП(б) о положении на фронте Брест-Кобринского направления от 25 июня 1941 года. В ней сообщается:

«Обком КП(б)Б считает, что руководство 4-й армии оказалось неподготовленным организовать и руководить военными действиями. Это подтверждается целым рядом фактов.

Вторжение немецких войск на нашу территорию произошло так легко потому, что ни одна часть и соединение не были готовы принять боя. Поэтому вынуждены были или в беспорядке отступать или погибнуть. В таком положении оказались 6-я и 42-я стр.дивизии в Бресте и 49-я с.д. – в Высоковском районе...

Можно было бы привести много примеров, подтверждающих, что командование 4-й армии (штаб этой армии находился в Кобрине –Э.И.) началась паника. Застигнутые внезапным нападением, командиры растерялись. Можно было наблюдать такую картину. Когда тысячи командиров (начиная от майоров и полковников и кончая мл.командирами) и бойцов обращались в бегство. Опасно то, что эта паника и дезертирство не прекращаются до последнего времени, а военное руководство не принимает решительных мер. Работники обкома партии вместе с группой пограничников пробовали задерживать бегущих с фронта. На шоссе около Ивацевичей нам временно удалось приостановить это позорное бегство. Но здесь необходимо принять более серьёзные и срочные меры для борьбы со стороны военного командования.

Возмутительным фактом является и то, что штаб корпуса не установил связи с обкомом, выехал на командный пункт за город, потеряв связь со своими частями. Таким образом, многие командиры и политработники вместо организации эвакуации в панике бежали из города. В первую очередь, спасая свои семьи, а красноармейцы в беспорядке бежали.

Обком и горком КП(б)Б вместе с обл. управлениями НКВД и НКГБ пытались первое время навести порядок в городе, но эффективно ничего сделать не могли, поскольку красноармейские части в панике отступали. Поэтому не зная обстановки, не имея связи с военным командованием. Не рассчитывали на боеспособность воинских частей, мы вынуждены были оставить г.Брест...

Секретарь Брестского обкома КП(б)Б Тупицын»
(НА РБ.ф.4п. Оп.33а. Д.77.Л.237-240.Подлинник. Рукопись)

Что можно сказать об этом документе?

Анализ разнообразных источников и новейших исследований по данному вопросу даёт основания заключить, что в нём отразилось отсутствие объективной информации о положении дел на данном участке фронта. Брестская крепость героически оборонялась силами небольшого гарнизона до 20-х чисел июля 1941 года. До конца июня бои шли на всей территории Брестской области. Причём, командование вермахта должно было вызвать и доставить для штурма этой крепости самое новейшее оружие.

Вспоминая о визите Гитлера и Муссолини в Брестскую крепость 26 августа 1941 года, личный пилот Гитлера обергруппенфюрер СС Ганс Баур отмечает:

«Гитлер пригласил Муссолини посетить Брест. Помимо всего прочего дуче должен был стать свидетелем применения на практике германской гаубицы калибра 60 сантиметров... Гитлер осмотрел новые германские гаубицы, которые использовались для обстрела Брестской крепости. Он описал Муссолини эффективность этого могучего оружия и ужасающие последствия его применения для гарнизона, для которого начало обстрела стало полной неожиданностью. По словам Гитлера, много солдат противника погибло ещё в казармах. Поскольку ударная волна была настолько мощной, что у них просто лопнули лёгкие».

Героизм и мужество в первые сутки войны в Бресте проявили защитники горвоенкомата и вокзала.

Нельзя не согласиться с описанием локальных боёв в Бресте утром 22 июня 1941 года, данной брестским исследователем О.В.Карповичем:

«Локальные бои на улицах Бреста развернулись около 7 часов утра. Когда основные силы 45-й и 34-й пехотных дивизий противника ворвались в город. Ситуация осложнялась ещё и тем, что из тюрем немцы выпустили уголовников, которые тут же принялись за грабежи, мародёрство и убийства. Были разгромлены и разграблены продовольственные и промтоварные магазины. На улицах города в большом количестве появились убитые и раненые. Упомянутый уже отчёт горкома (автор даёт ссылку на Государственный архив Брестской области –Э.И.) свидетельствует, что часть местного населения благосклонно отнеслась к приходу немцев, некоторые жители откровенно радовались появлению их на улицах города и выходили встречать «освободителей» в праздничных одеждах, приступали к самовольному выселению семей «восточников», партийных и советских работников из лучших квартир в центральной части города...

К 8 часам утра сильный бой разгорелся на ул.Ленина и в Северном городке. Недалеко от Кобринского моста яростные атаки противника сдерживала небольшая группа бойцов и местных жителей под командованием начальника Брестского погранотряда майора Кузнецова. В районе Волынки батальон 44-го танкового полка под командованием капитана М.И.Кудрявцева трижды ходил в атаку и сбрасывал врага в реку. У моста через Мухавец в районе станции Брест-Полесский вела неравный бой танковая рота лейтенанта Н.И.Пономарёва..

Первый день германского блицкрига в Бресте дорого обошёлся его создателям, привыкшим беречь жизни своих солдат. Согласно германским данным, 45-я пехотная дивизия, прошагавшая триумфальным маршем по Елисейским полям, на территории крепости и города только 22 июня потеряла убитыми 311 военнослужащих...».

Считаю, что правдивое освещение событий первых суток Великой Отечественной войны в Бресте достойны отдельной книги.

Эмануил Григорьевич Иоффе. военный историк, профессор БГПУ
Им.М.Танка, доктор исторических наук
220005, г.Минск, пр.Независимости, 39-90. Т.2-84-83-79 (д.)

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ